

НЕКРАСОВ И АВДОТЬЯ ПАНАЕВА

I. ТРИ ПИСЬМА ПАНАЕВОЙ К НЕКРАСОВУ

Публикация К. Марцишевской

Переписка Некрасова с Панаевой не сохранилась. Она была уничтожена ими самими. Еще задолго до окончательного разрыва, Панаева, во время очередной ссоры, как-то сожгла свои письма к поэту. Некрасов написал тогда стихотворение «Горящие письма». В них были такие строки:

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала
<.....>
Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!

После того, разумеется, были и другие письма, но и их, видимо, постигла подобная же участь.

Публикуемые три письма Панаевой к Некрасову являются, таким образом, единственно сохранившимися из всей их, вероятно обширной, переписки. Письма уцелели случайно. Летом 1855 г. (дата писем) Некрасов жил в Москве. Он приехал сюда во второй половине мая, очевидно, вместе с Панаевой, вскоре затем уехавшей. О том, что Панаева была в Москве в двадцатых числах мая 1855 г., свидетельствует следующая ее запись, сохранившаяся на отдельном листке в записной тетради Некрасова: «Без клятв и без общественного принуждения я все сделала во имя любви, что только в силах сделать любящая женщина. Москва, 1855, мая 21. Вечер 10^{1/2}» (ЛБ, рукоп. отделение — М. 5763). Некрасов поселился в Москве на даче В. П. Боткина. Здесь и были получены публикуемые письма и здесь же, видимо, и были забыты поэтом при отъезде. Они найдены среди бумаг В. П. Боткина.

Письма относятся, как упомянуто, к лету 1855 г., т. е. к той поре, когда отношения между Некрасовым и Панаевой стали очень напряженными. Он был тяжело болен, она недавно потеряла ребенка (второго ребенка от Некрасова). В письмах проглядывает плохо скрытое раздражение, обида, горькая ирония над собой и вместе с тем глубокое чувство, внимание ко всему, что его интересует. Она сообщает ему о делах «Современника», посылает нужную книгу, вникает в мелочи издательского дела.

Пресловутых орфографических ошибок, в которых обычно упрекают Панаеву, в письмах почти нет.

Письма печатаются по подлинникам, находящимся в собрании Ивана Никаноровича Розанова (Москва).

А. Я. ПАНАЕВА — НЕКРАСОВУ

<1>

30 июня <1855 г.>

Я распорядилась об Иллиаде¹. Меня очень удивляет постоянная Ваша поспешность в письмах. Верно Вы очень заняты чем-нибудь. Вы пишете, что кашель Вас беспокоит, но не пишете, какие Вы принимаете меры от него. Советовались ли со своим доктором? Ваша болезнь отнимает у меня последнюю энергию². Будьте осторожны, лежите больше, не думайте ни о чем. Если желаете, я приеду к Вам на будущей неделе, или не желаете, то я останусь в Петербурге или уеду к Н. С.³ в деревню.

Пишите мне об этом. Я не получила Вашего ответа на мое письмо, где уже говорено было это же самое⁴. Вот Вам еще приятная литературная новость. Нам и Краевскому позволили политику, т. е. то, о чем мы хлопотали прошлого года. Это позволение вышло без всяких хлопот со стороны Ив. Ив., но его письмо к министру, верно, имело влияние. Официально еще нам не дано знать, потому нельзя было напечатать в объявлении⁵.

Время провожу самым однообразным образом. Утром сижу за работой, после обеда часов в 7 еду купаться, приезжаю домой, иду ходить в сад, потом сажусь писать повесть⁶, а не то читаю. Никого не вижу, никуда не езжу. О неприятнейшем факте ничего нет нового. Кланяйтесь Боткину.

Вам жму крепко руку.

На конверте: Его высокоблагородию Николаю Алексеевичу Некрасову

В Москву на углу Дмитровки, в доме Загряжского,

в книжный магазин Ив. В. Базунова.

¹ Некрасов, видимо, просил Панаеву о высылке ему «Илиады» (в переводе Жуковского), которой он в это время интересовался. В. П. Боткин в письме к А. В. Дружинину от 27 июня 1855 г. сообщает: «Продолжаем жить с Некрасовым на известной Вам даче в парке <... читаю> Некрасову „Илиаду“» («XXV лет. 1859—1884». Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1884, 481).

² О состоянии здоровья Некрасова в это время и о его лечении в Москве, по совету д-ра Иноземцева, минеральными водами см. в его письмах к И. С. Тургеневу от 30 июня и к А. В. Дружинину от 6 августа 1855 г. (Некрасов, V, 204—206, 208—211).

³ Н. С. Шаншиев — см. о нем ниже, на стр. 124.

⁴ Панаева приезжала в Москву к Некрасову в начале июня 1855 г. Сообщая об этом И. С. Тургеневу, В. П. Боткин писал 14 июня: «Некрасов в тихом и ясном расположении духа, но у меня не достало ни охоты, ни духа видеть Авдотью, хоть думаю, что она хорошо сделала, что приехала к нему. Разрыв ускорил бы смерть Некрасова. На вид он стал несколько свежее, но очень слаб» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М., 1930, 53). В конце июля Панаева вновь приезжала в Москву. Об этом свидетельствуют следующие строки из неизданного письма В. П. Боткина к брату Д. П. Боткину от 25 июля 1855 г.: «Я живу в <Петровском> парке с Некрасовым, который болен и вряд ли поправится... На-днях приехала к нам из СПб Авд. Яковл. Панаева и живет с нами. Для нее, как нарочно, были наверху две прекрасные и свободные комнаты» (ЛБ, рукоп. отделение — М 6614/1).

⁵ Еще в марте 1854 г. Некрасов и Панаев пытались, но неудачно, добиться разрешения на открытие в «Совр.» отдела «известий военных и политических». В конце мая 1855 г. Панаев обратился к министру народного просвещения А. С. Норову с письмом, в котором характеризовал тигостное положение журнала, лишенного права печатать не только военные и политические сведения о событиях Крымской войны, но и статьи и рассказы на эти темы («Голос Минувшего», 1917, XI—XII, 248—249). Норов просьбу поддержал, но в сильно урезанном виде. После согласования вопроса с военным министром он представил царю всеподданнейший доклад о разрешении «Совр.» и «О. З.» перепечатывать военные известия из «Русского Инвалида» по прошествии месяца со дня их опубликования там. Доклад был утвержден Александром II 23 июня 1855 г. (там же, 252). Об этом компромиссном решении вопроса о «политике» в «Совр.» и сообщает Панаева.

⁶ Повесть «Степная барышня». Она появилась в «Совр.», 1855, VIII, за подписью Н. С(таницына).

(2)

Понедельник, <8 июля 1855 г.> ¹

Давно и нетерпеливо ждала я Вашего письма. Наконец, получила. Что за тон? Что за странные предположения, будто я пишу о деньгах, которых имею в виду. Бог с Вами! Вы все дурное, все низкое приписываете мне, как бы Вашему первому врагу. Вы верно угадали, что Ваше письмо мно <го> мне принесет слез и горя. А у меня его так мало, что Вы и не задумались прибавить самой ядовитой горечи. День сегодня мне очень удался. В 6 часов я была разбужена словом: «горим». Против нас горел сахарный завод, ветер был адский, и я провела часа два в лихора-

дочном состоянии. До сих пор пожар догорает. После всех тревог материальных — нравственное унижение. Болезнь Вас сделала жестоким! Но довольно об этом. Я не во власти заставить человека быть деликатным со мной. Все, что близко ко мне, все меня презирало и презирает, иначе я не могу ничем многое объяснить себе в жизни. Утештесь, не Вы первый меня оскорбляли. Моя мать и сестры с презрением смотрели на меня, и так далее, и далее.

Политика нам позволена официально. Ваше письмо опоздало, номер уже был окончен². Я поспешила Вам ответить, потому что даже не имела до третьего дня о нем понятия и думала, что выписку надо сделать в прежнюю статью. Еду в Москву на той неделе во вторник, если мое здоровье мне позволит. Снова Вам подаю повод к вопросу. Совесть моя спокойна, но иногда гордость во мне <1 сл. нрзб.> меня своими упреками. Насчет потери м о е й, пожалуйста, не напоминайте мне. Довольно, — и так мне тяжело³. Прощайте. Желая одного теперь в жизни — это воз-

*Без клятв и без обидчивого принуждения
я не способна вознудить любви, что только во славу
создатель наделяет даром.*

Москва 1855 — июль 26.

Всего 10½

ЗАПИСЬ А. Я. ПАНАЕВОЙ ОТ 21 МАЯ 1855 г. НА ЛИСТКЕ, ВЛОЖЕННОМ В ЗАПИСНУЮ ТЕТРАДЬ НЕКРАСОВА

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

врата Вашего здоровья, а с ним Вы, верно, забудете все старое. Оно очень Вам надоело, я вижу по всему.

Приписка: Пожалуйста, не утруждайте себя письмами, напишите только — «я жив»; лучше одно холодное слово, нежели сто, исполненных злобы и.....

На конверте: Его высокоблагородию Николаю Алексеевичу Некрасову В Москве. В книжный магазин Ив. В. Баунова на Дмитровке, в доме Загряжского

¹ Датируется по сопоставлению с содержанием публикуемой ниже записки от 9 июля.

² Речь идет о 7-й, июльской, книжке «Современника».

³ Весной 1855 г. умер в младенческом возрасте сын Некрасова и Панаевой, названный Иваном (А ш у к и н, 137). Некрасов так отозвался на это событие в письме к Тургеневу от 19 апреля: «Бедный мальчик умер <...> на меня это подействовало, как я не ожидал. До сей поры не могу справиться с собой» (Н е к р а с о в, V, 203).

<3>

9 июля <1855 г.>

Пишу два слова, некогда. Вчера в 12 часов загорелся дом в Ивановской улице, что напротив нас. Тревога была такая, что ровно ничего не осталось на месте. Какой-то хаос, а у Ив. Ив. в кабинете, которому угрожала первая опасность, все изломано. Счастье наше, ветер повернул от нашего дома, и мы спаслись.

Денги еще не получила и потому не знаю, выеду ли во вторник. Буду завтра писать.

II. ПИСЬМА АВДОТЬИ ПАНАЕВОЙ К ИПОПОЛИТУ ПАНАЕВУ

Публикация С. Рейсера

С 1856 г. Ипполит Александрович Панаев заведывал конторой «Современника». На него — не внушавшего сомнений в своей честности, энергичного и трудолюбивого человека — легли все сложные, а порою и запутанные денежные дела журнала. Не были еще до конца уплачены долги, сделанные в 1847 г., когда журнал переходил в руки Некрасова (см. письмо 2), не было строгого разделения личных денег редакторов и денег журнала. Слишком хорошо известно, что немалые суммы Некрасов раздавал в виде авансов нуждавшимся сотрудникам из своих средств, что он постоянно в трудных случаях вносил в дело свои деньги и не требовал их обратно. Но не таков был легкомысленный Ив. Ив. Панаев: попадавшие в его руки редакционные деньги расходовались быстро и нерасчетливо. «Не доверяй денег И. И. и пресекай ему пути к получению их где бы то ни было», — резко и решительно писал Некрасов в 1856 г. из Рима И. А. Панаеву. «Все деньги старайтесь платить помимо его рук; он сам рад, когда не видит денег», — подтверждает Авд. Панаева (письмо 2). «Ив. Ив. неисправим», — пишет она в другом месте (письмо 4). Панаевой даже приходилось думать о том, чтобы обеспечить мать своего бывшего мужа — на Ивана Ивановича надеяться было нельзя. Надо было следить, чтобы из-за неаккуратности забывчивого сына старуху «не посадили в тюрьму и чтобы не выгнали с квартиры» (письмо 4).

Но денежные дела самой А. Я. Панаевой были также запутаны, особенно в 50-х годах, в связи с так называемым «огаревским делом». Дело это — сложный комплекс нескольких судебных процессов, связанных с историей получения М. Л. Огаревой (первой женой Н. П. Огарева) следуемых ей денег. Денег этих она не получила, и есть основание думать, что они в большей своей части были растрочены А. Я. Панаевой. Эта растрата была возмещена Некрасовым. О перипетиях этого дела, хлопотах различных доверенных, платежах и отсрочках упоминается в большей части писем. Вообще, трудные денежные дела, которые Авдотья Яковлевна просит Панаева уладить, — основная тема всех ее писем.

Устанавливая близость и доверие Панаевой к Ипполиту Александровичу, публикуемые письма содержат, вместе с тем, и ряд других сведений, ценных и интересных для биографии многолетней спутницы Некрасова.

После потери ребенка («Потеря моего сына меня слегка свихнула с ума» — письмо 2) измученная и обессиленная Панаева едет за границу к лечившемуся там Некрасову. Это был очень острый момент их отношений. Некрасов несколько раз порывался с ней расстаться. Панаева болезненно-тяжело это переживала; жизнь казалась ей оконченной и не сулящей ничего радостного; особенно остро переживала она свое одиночество. Когда Некрасов в марте 1857 г. вернулся из Парижа в Рим, где оставил Панаеву, он писал Тургеневу, что своим возвращением «очень обрадовал А. Я., которая, кажется, догадалась, что я имел мысль от нее удрать», и добавлял: «Нет, сердцу нельзя и не должно воевать против женщины, с которой столько изжито, особенно, когда она, бедная, говорит пардон. Я, по крайней мере, не умею и впредь от таких поползновений отказываюсь» (Некрасов, V, 283). Панаева не всегда знала или догадывалась о муках и сомнениях Некрасова. В это трудное время своей жизни Панаева нашла в Ипполите Панаеве человека, с которым могла открыто и доверчиво говорить о своих тяжелых переживаниях.

Письма полностью публикуются впервые по автографам Института литературы АН СССР.

В письмах — многочисленные описки и пропуски; все они исправлены без оговорок.

Небольшие отрывки из писем №№ 1, 7 и 8 были опубликованы К. И. Чуковским в работе об А. Панаевой (см. «Некрасов. Статьи и материалы», Л., 1926, 84 и сл.; ср. статью «Панаева и Некрасов» в кн.: А. Панаева. Семейство Тальниковых. М., 1928).

<1>

Венеция. <24 июля> 5 августа <1856 г.>

Целую Вас много раз, Поличка, за Ваше милое письмо и от души поздравляю Вас с сыном, о котором уже имела понятие, потому что мне Ив<ан> Ив<анович> писал не раз об Вашем счастье. Желаю Вам его, т. е. сына, вырастить, женить и нянчить внучат.

Спасибо Вам за утешение, будто бы я способствовала Вашему счастью. Нет, никто не в праве думать, что Ваше счастье семейное не от Вас самих зависит. Вы одни тому причиной.

Вы живете в Павловске? Это место было свидетелем, как совершалась пытка нежным моим чувствам, как женщины. Иногда я думаю, что я не виновна в том, чем я сделалась. Что за детство варварское, что за унижительная юность, что за тревожная и одинокая молодость! После всего этого может ли быть тихая и кроткая старость? Но у всякого есть свое горе и чужого нет сил воспринимать, и потому я кругом виновата, что не имела настолько силы воли, чтоб молчать. Вот и теперь — так и подмывает написать все, что на душе. Но я скажу очень коротко. Жизнь моя здесь лучше Петербургской, потому что я никого не раздражаю своей неизменной грустью и никому не противна...

Как могло Вам придти в голову, что я рассержусь за Ваш совет? Нет, я Вас целую за него и вполне согласна, что не надо так серьезно смотреть на жизнь, но что мне делать, если я с молодости слишком серьезно взглянула на жизнь или жизнь мрачно посмотрела на меня? Я знаю, что доживаю свои последние минуты как женщина, но что мне делать, что я не имею силы воли веселиться: прошедшему и горю я отдалась совершенно, а когда хочу веселиться, то делаюсь строга, обсуживаю каждый свой шаг, на все и на всех смотрю сквозь закопченное стекло.

Ищу того, что уже для меня невозможно. Я хочу жизни тихой после всего, что было со мной! Просто я помешанная! В Венеции я бы могла развлекаться, даже забыть о своих зрелых годах, потому что имела много доказательств, что их не хотят замечать. Но что же я делаю? Сижу одна вот уже три месяца и все обдумываю, способна ли я удовлетворяться одним удовлетворением женского самолюбия, т. е. окружить себя толпою молодых людей, выслушивать их комплименты, объяснения, кокетничать. Иногда мне кажется, что я способна, но потом мне делается все так противно, пошло, что я сама себе делаюсь мерзка. Нет, я погибла безвозвратно! Молю одного, что <бы> у меня достало силы сжать свои губы так, что <бы> более никогда уже не вылезала ни одна жалоба, точно так же так окаменеть, что <бы> глаза никогда уже более не выронили бы слезы. Вот все мои желания в сию минуту, но и это, кажется, мне не удастся исполнить, потому что судьба, сделав меня женщиной, дала мне не только напиться через меру всеми отравами, которыми угощает общество женщину, да еще вздумала меня поставить в положение мужчины. Я должна думать о насущном куске хлеба¹.

[Теперь я в отличном положении. Н. С. забыл меня и все свои обещания. Я сижу в чужом городе, без гроша и живу в долг. Неправда ли это приятно и удобно для моего мрачного состояния духа? Некрасов был так добр, что одолжил денег, но они пошли в уплату <долгов> и я опять сижу <?> на месте <?> в то время, как могла бы развлекать себя хоть переменной городов. Я так привыкла <к> низким гадостям в жизни, что только прихожу в ужас, когда что-нибудь заболит, тут только делается страшно! Как же это <нрзб.> однако <?>, нет денег послать за доктором, за лекарством, нанять прислугу! А потом подумаю, отвезут в госпиталь городской!!! А надо Вам сказать на русских смотрят как на богачей и <за> все втрое дороже берут с них.]

Извините, что зачеркнула свои скудные мысли. Завралась, а когда перечла, то опомнилась.

Прощайте, Поличка; простите, что длинное и бестолковое написала письмо. Но ведь я почти не говорю ни с кем, немудрено что забываю приличие. Кланяйтесь всем — Лиодору, Крониду, Аркадию, А(?)ну, Павлуше, Лалаеву, даже поцелуйте их всех за меня, разумеется, если они захотят принять изъявление старухи, заброшенной так далеко от них. Валерияну напишите сто поклонов и тысячу поцелуев и скажите ему, что я желаю ему искренно всех радостей, какие только могут существовать на земле. Целую Вас, вспомните еще, что в таком-то городе живет Петр Иванович Добчинский².

Прочитав письмо, разорвите.

А в. Панаева

¹ Далее 12 строк тщательно зачеркнуты чернилами. Они прочтены научным сотрудником Пушкинского Дома Г. Ф. Граменицкой.

² Слова Бобчинского (а не Добчинского) из «Ревизора».

<2>

Рим. <23 ноября> 5 декабря <1856 г.>

Целую всех вас, т. е. малых, больших и средних Панаевых. Спасибо Вам, что Вы помните обо мне; я о Вас очень хорошо помню, и двадцатилетнее наше знакомство, в котором я часто имею случай видеть Вашу любовь к себе, укрепило навсегда нашу взаимную дружбу.

Браните, стыдите меня, Вы будете только правы, но в одном ошиблись, пожелав думать, что я оплакиваю свою безалаберную молодость. Нет, я ее возвращения не желаю, потому что <1 сл. прзб.> не имею желания испытать благ в жизни. А потому говорю, что жизнь не может мне более принести радостей, что у меня нет целей <?>. Потеря моего сына¹ меня слегка свихнула с ума, кажется, никто этого не хотел видеть, но я слишком поздно убедилась, что разного рода бывают сумасшествия, которые только можно заметить по действиям человека которые не в его характере и не в его убеждениях. Вот в каком смысле я считаю себя умершей для жизни и горюю за свое печальное одиночество, а седые волосы, морщины, появившиеся на моем лице, меня очень мало пугают. Я сидела <со> свежим лицом одна дома, то верно усiju и с морщинами. Вы теперь отец и поймете всю бесконечную мою тоску одиночества. Но глупо хныкать! К делу: насчет денег, 3 тысяч, распорядитесь следующим образом. За вычетом 450 рублей долгу Ив<ану> Ив<ановичу>², Анненкову и не знаю еще кому, за квартиру 600, на хозяйство Машеньке с кухаркой 45 в месяц, за дрова, поставленные весной, вычесть 85. Марье Акимовне³ послать под расписку и через постороннее лицо 25 рублей. Значит всего выходит:

600	квартира
85	дрова
450	долг Ив. Ив.
540	на расход в доме
300	Марье Акимовне

1975

25 рублей в остаток от двух тысяч можно оставить на дрова для будущего года или отдать Ив. Ив., как знаете. По-моему, лучше оставить их для всякого случая для дому и чтобы лежали у Вас. 1000 рублей я прошу Вас оставить у себя: я должна уплатить долг. А из прошлогодних денег, что мне приходится, прошу Вас тоже взять у Вульфа⁴ и из них отдать Машеньке 60 рублей сереб. для отдачи Погребову⁵ долга; на протестовку заемных писем выдать Логину Фе-

доровичу⁶, если он придет за ними, или отдайте их Вульффу. Остальные деньги держите у себя для уплаты пень тяготительного для меня долгу. Ах, да. Брату Порфирию послать в Казань 125 руб. процентов⁷ и постарайтесь к празднику их выслать. Значит, из прошлых годов немного останется. Боюсь, что пишу очень глупо, но так тупа, так глупа становлюсь, что не могу толковее писать.

Это посвящение набрете
Авдотья Павловна изданию
друзей. Оно собрано, конечно,
особую выписку, я думаю, не
забавно, но сир, и т.д.

Авдотья Павловна

Панаева

Ваша дружба всегда была
оградою для ~~меня~~ доброй
добра. Вы же заботились обо мне
менее всего утешали его, Губе
наше. Ваше сир, в своем
поиске. Искан, глупая. Ваше
делание было покаян, признавал
мне сир, дружба с Вами за
ваше делание. Ваше выраже-
ние, признавал
мне сир, дружба с Вами за
ваше делание. Ваше
выражение, признавал
мне сир, дружба с Вами за
ваше делание.

Н. Чернышевский

АВТОГРАФ ПОСВЯЩЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ
А. Я. ПАНАЕВОЙ ИЗДАНИЯ «СОЧИНЕНИЙ»
ДОБРОЛЮБОВА, 1862 г.

Наборная рукопись

Центральный литературный архив, Москва

Простите меня, что я Вас мучу этими дрызгами, но горю желанием привести в пределы благоразумия Ив. Ив. Все деньги старайтесь платить помимо его рук; он сам рад, когда не видит денег.

Целую Вашу жену и детей Ваших.

А в. Панаева

¹ В 1855 г. в младенческом возрасте скончался сын А. Я. Панаевой от Некрасова.

² Здесь и дальше — Иван Иванович Панаев, первый муж А. Я. Панаевой.

³ Мать Ив. Ив. Панаева.

⁴ Карл Иванович В у л ь ф — фактор, а впоследствии владелец типографии, в которой печатался в эти годы «Современник».

⁵ Владелец мануфактурного магазина в Петербурге.

⁶ Один из поверенных Панаевой по «огаревскому делу».

⁷ Очевидно, за деньги, взятые у него взаймы А. Я. Панаевой при начале издания «Современника», в 1847 г.

<3>

<6> 18 января. Рим. 1857 г.

Полинька, поздравляю Вас, Вашу жену с новым годом, желаю Вам обоим счастья, здоровья много, много! Детей Ваших целую. Что юный Панаев? на кого похож? Поздравьте от меня с новым годом Кроничку, Аркашу, Лиодора, Валериана с женой, а их детей поцелуйте.

Время я провожу в Риме так же, как в Петербурге, — дома, хотя знакомых дам набралось здесь порядочно. Рим мне нравится, но только старый, а старый Рим ничего не имеет общего с новым: старый Рим — это музей древнего величия и искусства, новый — это музей воровства, невежества и тупости; впрочем, я все прощаю итальянцам за их блистательное прошедшее.

Пока ничего не знаю, что буду делать и куда поеду весной. Хочу опять брать морские ванны, только во Франции: в Италии слишком жарко.

Вы не думайте, чтоб я сидела без пользы. В Италии учусь по-итальянски, говорю плохо, но уже читаю и перевожу изрядно. Ах, кабы память у меня была! Я бы теперь давно могла бы изрядно говорить и принялась бы за испанский язык. Неправда ли я все делаю не во-время? Учусь на старости лет, когда всякая наука тяжелее во сто раз, чем в молодости.

В наш новый год здесь было так тепло, что открыто окно было целый день, и если градусов 9 или 7 тепла, то кричим: какой холод, ах, какой холод сегодня!

Но обратимся к делу. Так как Вас уже мучат делами «Современника», то и я решила Вас помучить своими. Вот в чем дело. По расписке мне следует 500 руб., а я должна была в январе уплатить на Кавказ брату 1000 рублей сер. Николай Самойлович¹ должен был платить брату эту 1000, но я получила от брата письмо, в котором он меня умоляет выслать ему деньги. Я своего брата не видала лет 18. Взяла деньги для журнала на несколько месяцев и, как видите, до сих пор не могла отдать, теперь я во что бы то ни стало должна заплатить. Если Вам можно, то распорядитесь так. Спросить выслал ли Н<иколай> С<амойлович> деньги или нет? Как можно скорее выслать 500 рублей на Кавказ Н и к о л а ю Я к о в л е в и ч у Б р я н с к о м у, адрес спросите у Ив. Ив. А с Н. С. вытребуйте как можно скорее 1000, а я Вам напишу, какое сделать на них употребление. Я должна платить долгу много этот год, не знаю как буду существовать. Но меня так замутили долги, что я готова на все лишения.

Если что написала бестолково, то задайте мне вопрос, но, кажется, ясно: сделать справку послал ли Н. С. деньги брату 1000 рублей, если нет — выслать 500 рублей, а с Н. С. вытребовать 1000.

Так бестолкова на дела, как женщина, выжившая из ума.

Прощайте, целую Вас всех. Я уверена, как только Ваши дети вырастут, и Вы поедете за границу: англичанки с 7 детьми разъезжают по Европе. К тому времени железные дороги уже везде будут в Европе, кроме, впрочем, Италии.

Не забывайте меня.

E u d o x i e

¹ Николай Самойлович Ш а н ш и е в (1809 — ум. после 1866) — главный доверенный А. Я. Панаевой по «огаревскому делу», темный делец и аферист.

<4>

1857 г. Рим. <16> 28 января

Благодарю Вас очень, очень, Полинька, за все Ваши хлопоты о наших делах. Ив<ан> Ив<анович> неисправим. Я 300 рублей желала выдавать его матери, по месяцам, чтоб ее не посадили в тюрьму и чтобы не выгнали с квартиры; но он, кажется, тут видит мое недоброжелательство. Что мне делать? Я знаю очень хорошо, что если ему отдать эти деньги, то часть будет им истрачена; я это говорю по слишком печальной опытности в денежных делах с ним. Делайте, как знаете, Полинька, не надо Вас в дразги <в>водить: но все-таки было бы лучше ей послать эти деньги хоть бы с Вульфом. Впрочем, делайте — как знаете! Надолго ли вернулся Валериян, которому я жму крепко руку и целую его жену и детей? Верно у Лики шли зубы? поцелуйте от меня ее...

Я очень смиряюсь перед волею судьбы, Полинька. Вот уже столько времени сижу одна-одинешенька; средства мои очень плохи, чтоб я могла искать развлечений за границей; дешев теплый воздух, но одним воздухом не напитаешься. Может быть, мои протесты бы и поуспокоились во мне, если бы на горчишники мне не ставили мушку, а потом на эту рану разъедающий пластырь. Об удовольствиях жизни я так же мало думаю, как преступник о рае; лишь бы не терять головы от горя, вот чего я желаю. Но все это вздор и важно только для дур, как я.

Здесь скоро будет давать представление знаменитая Ристори, которая заставила Рашель оставить сцену, а русских и англичанок платить огромные деньги за фишу кружевную, названную ее именем. Для меня теперь не так дико будет слушать итальянскую драму, я кое-что понимаю уже и сама бормочу, разумеется, плохо. Некр<асов> уехал на две недели в Париж и хотел скоро вернуться. Это нисколько не должно помешать Вам писать ему, если нужно, о делах; я пересылаю все письма к нему.

Еще о деле, Полинька: брату в Казань проценты? и заплачен ли Погребову долг. Я очень стыжусь, что мучу Вас; но нет никого другого у меня ближе Вас, т. е. всех Панаевых, которые бы приняли участие в моих делах.

Прощайте, целую Вас всех. Вашей жене скажите, чтоб она мне не напишет о маленьком Панаеве и о девице Панаевой? Я думаю все выросло как! заскакало, заговорило!..

А в. Панаева

Скажите мне, Валериян — что и как Ваши дела? надолго ли вернулись в Петербург? Живу я здесь так же глупо, как жила в Петербурге. Напишите мне что-нибудь, когда будет время и припадет охота поговорить с давнишним любящим Вас человеком. Неправда ли дерзко? Я себя считаю, женщина, за человека! Прощайте.

Насчет 1000 рублей я пришлю скоро распоряжение. Ими надо уплатить долг.

<5>

Рим. <27 марта> 8 апреля 1857 г.

Давно собиралась отвечать Вам на Ваше доброе письмо, в котором Вы даете мне позволение Вас беспокоить своими делами, но голова моя совершенно отказывается сосредоточиться на чем-нибудь дельном, кроме бесполезного уныния. Вчера было начала письмо к Вам, но на половине бросила; такая тупость и апатия, что стыдно самой.

Я хочу Вас просить принять участие в моих делах, которые до того запутались, что я не вижу им конца, а если он будет, то очень несчастен для меня.

1. Прошу Вас вытребовать от Н<иколая> С<амойловича> деньги — 1000 рублей, что должно ему было послать на Кавказ в августе месяце 1856. Если же посланы эти 1000 рублей им, то 500 рублей, которые

назначены в уплату мне из журнальных, послать Андрею Федоровичу¹ в Казань, чтоб он расплатился с долгами мелкими, какие окажутся по смерти моего брата, и затем остальные употребил бы на ограждение его могилы, пока я не вышло других денег на памятник, и чтоб он же узнал мне адрес саратовской вдовы, которой, я знаю, был должен брат.

2. Уведомить Н. С., что мне необходимо 1 мая нового стиля выслать 1000 рублей сер. в Париж, где я буду. Если он не вышлет в срок, то я навлеку на себя большие неприятности, потому что заняла деньги на честное слово, и задержу на месте тех, кто ссудил меня, и сама буду без гроша проживаться в Париже, в то время как мне надо будет ехать лечиться.

3. Навести сведение насчет протестовки заемных писем моих от имени Н. С. Они были протестованы Логиним Федоровичем, но взять их от маклера нужна от меня доверенность. Как написать ее, для меня так же трудно, как если бы Вас заставили скроить дамскую мантилью. Если это нужно, то пришлите мне форму, как писать доверенность и на чье имя? Логин Федорович писал мне, что собирается ехать за границу, значит ему некогда возиться с чужими делами. Если он находится в Петербурге, то Вы можете переговорить с ним об этом.

4. Узнать: протестовано ли заемное письмо от Н.С., которое под залогом у Майковых. Если нет, то протестовать его непременно, но так не оставлять.

5. Тысячу рублей, что Вы имеете в руках на мою долю, вручить Логину Федоровичу в уплату по моему векселю, данному Севрюгиной в 1000 рублей сер. и срок которого очень скоро должен быть. Поручителями были на заемном письме Н. С. и Логин Ф., так пусть же Логин Ф. и потрудится уплатить их сам, тем более, что он лично знает эту госпожу.

Каково я Вас замучила, мой милый Полинья? Но что мне делать, столько накопилось дел и все самых печальных и щекотливых, надо их оканчивать немедленно.

Была в Неаполе 2 недели; страна отличная, только надо смотреть на нее <не> через слезы, а то все прекрасное в тумане кажется! Сiju опять в Риме, который мне надоед, но нет денег, жду чтоб дали взаймы. Дорого и скучно теперь жить здесь. На Пасху съеха<ла>сь бездна иностранцев, смотреть на церковные торжества католицизма. Я не участвую в них: первое — потому, что дороги экипажи; второе, что надо толкаться, иначе ничего не увидишь...

Зачем Вы хвораете? Это Вам также нейдет, как мне радость. Целую Вашу жену и Ваших детей, а также и свою крестницу. Что Валериан и все его семейство? Кланяйтесь ему и всем от меня: Лиодору, Аркадию, Кроничке и Софье Михайловне мой поцелуй. Я думаю Леля теперь уже чуть не невеста в доме.

Какая погода у Вас не знаю, но здесь сирень продается на улицах, везде зелень и жара страшная.

Пишите мне в Париж *poste restante*; я там буду скоро, если доживу. Теперь для меня еще бессмысленнее становится загадка жизни. Грановская вот уже десятки лет умирает и, с ней прощаясь, все знакомые ее думали, что навсегда, а, отпуская за границу здоровую молодую жену Кудрявцева, шутливо расстались с ней; первая жива, а второй уже нет на свете. Безжалостнее смерти ничего нет. Счастливы<ых> и безвредных она выметает, а вредных и глупых оставляет².

Да, я забыла Вам ответить насчет Марьи Як<имовны>. Вы поступили хорошо и видали на опыте, что хоть головой о камень бы, а Ив<ан> Ив<а-нович> на своем поставит.

Напишите мне насчет его болезни. Он мне много пишет об ней, но не скрывает ли он от меня свою болезнь? Если она опасна, я сейчас же вернусь. Целую Вас и спасибо Вам за Вашу дружбу ко мне.

И. И. ПАНАЕВ

Акварель Н. М. Алексеева,
1830-е гг.
Литературный музей, Москва

¹ Кто такой Андрей Федорович, неизвестно.

² Вдова Т. Н. Грановского, Елизавета Богдановна, скончалась в Риме 12 апреля 1857 г.; жена историка П. Н. Кудрявцева умерла в марте 1857 г. 10 (22) апреля Некрасов писал Тургеневу: Кудрявцев «понес тяжелую потерю. У него во Флоренции умерли в несколько дней здоровую, веселую и любимую жену...» (Некрасов, V, 292).

<6>

<8> 20 мая <1857 г.>. Париж

Добрый Полинъка, я Вас опять беспокою, но вот я уже в Париже три недели, а до сих пор не получила деньги от Николая Самойловича. Я нахожусь в очень неприятном положении, а к безденежью моему жара сделалась страшная, так что задыхаешься в городе, и надо его скорее оставить.

Сделайте одолжение, понудьте Николая Самойловича выслать мне 1000 рублей. Мне очень плохо! Целую вас всех; вы, верно, перебираетесь на дачу?

Парижских новостей не знаю: сижу дома или вечером брожу по ярко освещенным улицам. Город изменился страшно, роскошь неслыханная, соединенная с удобствами жизни.

Прощайте, жму Вашу руку и питаю себя опять надеждами, что получу деньги.

А в. Панаева

<7>

<Париж, 31 мая/12 июня 1857 г.>

Деньги я получила и благодарю Вас за них, Полинъка. Извините меня, если я ошиблась в распределении денег и назначила более уплаты, чем следовало. Я потеряла голову с делами. Н<иколай> С<амойлович> решительно меня поссорит с братом. Неужели до сих пор все причиной его адрес, который выслан мною уже давно... Я слышала, что он собирается, т. е. Н. С., за границу в августе. Если это правда, то потрудитесь

мне написать когда наверное. Я должна окончить дело Огаревой как можно скорее и для этого вернусь в Россию. Это дело мучит меня страшно, а у меня и без него много есть причин горя, чтоб еще такого рода делами терзать себя.

Логин уехал в Лондон на короткое время и вернется в Париж, а я скоро оставляю Париж, очень скоро и хочу ехать брать ванны морские, но где не решила еще.

Здоровы ли все Ваши дети и все большие? Всех целую и всем искренне желаю счастья и всего хорошего в жизни. Пишите мне в Париж, *poste restante*, мне перешлют Ваше письмо, если я уеду отсюда.

Новостей парижских никаких давно не знаю. Я умею так жить везде, что точно Вятка — мне кажется я провожу время тихо и однообразно, никого не вижу и нигде не бываю в обществе. Прощайте, добрый Полинька, целую Вас крепко.

Париж, 1857
12 июня

<8>

Париж. <18> 30 августа <1857 г.>

Вы, я думаю, знаете, не распечатывая письма моего, в чем дело. Да, милый друг, мне нужны деньги: я в Марселе захворала и должна была призвать доктора. Это мне стоило довольно денег. Вообще я трачу много, хочу развлекаться, но умираю от тоски. Все постыло мне. Доктор мне попался хороший, он сказал мне, что ничто мне не поможет, кроме перемены образа жизни и спокойствия духа, а как этого ни одна аптека не может отпустить по рецепту его, то всякое лечение пустяки для меня.

Сижу по вечерам дома, как и в Петербурге, и так же часто хнычу. Приехал ли Добролюбов? ¹ Напишите мне об этом. Если он приехал, то скажите ему, чтоб написал мне о детях ².

Где Некрасов? Я до сих пор не получала от него письма. При моем отъезде я дала ему 300 руб. сер. Эти были деньги Анинькины для покупки ей в Париже разных нарядов: их мне нужно теперь; а потом пришлите мне на житье и на дорогу, если я вздумаю приехать скоро. Осень усилит мою тоску, вечера будут длиннее, а холод в комнатах разовьет мои боли во всем блеске. Впрочем, я потеряла голову.

Вот мой адрес: Paris, Rue du Helder. Hôtel de Bade.

Вашим поклон, всех целую. На-днях в Лондоне случилось несчастье на железной дороге, много погибло. Ведь есть же счастье людям! Разумеется быть калекой — упаси господи в моем положении, но сколько же погибло в одно мгновение. В мои лета глупо это говорить. Но я два, нет три месяца, как ни с кем от души слова не сказала. Прощайте, целую Вас крепко и прошу разорвать мое письмо. А если кто спросит обо мне, то скрыть мою глупую жизнь. Право, мне стыдно за себя! Вас я считаю самым близким, самым верным и преданным мне человеком.

Прошлого года вы сделали то, что редко кто делает для ближнего своего.

Софье Степановне ³ скажите, что я видела в Тюльери девочку, как Алю, и привела в недоумение нянюшку, что я смотрю на ребенка так много и долго, так что я ей объяснила, в чем дело, и она успокоилась и позволила мне поцеловать ребенка.

¹ По окончании Главного педагогического института Добролюбов выехал 28 июня в Нижний-Новгород; в Петербург он возвратился в конце июля («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», М., 1890, 377 и сл.).

² Дети — братья и сестры Добролюбова, в которых Панаева принимала близкое участие.

³ Софья Степановна — жена И. А. Панаева.

III. НЕКРАСОВ ОБ А. Я. ПАНАЕВОЙ В ПИСЬМЕ К ДОБРОЛЮБОВУ

Сообщение С. Дымова

В собрании писем Некрасова имеется всего одно письмо к Добролюбову. Это письмо от 18 июля 1860 г. Опубликованный текст его (Некрасов, V, 352—353) не имеет заключительной подписи Некрасова, и было неясно, в полном ли виде дошел до нас Документ.

Теперь это сомнение устранено. В архиве Дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове покойным А. Я. Максимовичем был обнаружен автограф эпистолярного отрывка Некрасова без начала, но с заключительной частью и подписью («Будьте здоровы. Адресуйте мне в Петербург. Весь Ваш Некрасов»). Этот отрывок — не что иное, как вторая половина упомянутого письма к Добролюбову от 18 июля 1860 г.

При каких обстоятельствах и когда письмо оказалось разьединенным на две части — неизвестно. Некрасов не любил предаваться личным излияниям в своих письмах, откровенно делиться в них своими интимными мыслями и переживаниями. Здесь, как и в личном общении, он был сурово требователен и дисциплинирован по отношению к самому себе. Было всего несколько особенно близких Некрасову людей, в переписке с которыми он отступал от этого правила. К таким людям относился и Добролюбов. Некрасов не просто уважал и ценил его как выдающегося литературно-общественного деятеля и своего ближайшего соратника по «Современнику». Он глубоко и сильно любил Добролюбова как человека и был до конца откровенен с ним.

Публикуемые ниже строки о Панаевой взяты из второй половины упомянутого письма Некрасова к Добролюбову от 18 июля 1860 г. Это, быть может, наиболее замечательные по силе искренности признания Некрасова о его сложных, противоречивых чувствах к своей долголетней спутнице, на критическом этапе их отношений.

<...> Напишите мне что-нибудь об Ав<дотье> Як<овлевне>, Вы, верно ее скоро встретите¹; если она огорчена, то утешьте ее как-нибудь; надо Вам сказать, что я ей кратко, но прямо написал о своих новых отношениях. Ведь надо ж было — хотя эти новые отношения едва ли прочны. — Я очень чувствителен. Она не жалела меня любящего и умирающего², а мне ее жаль (а почему я, дурак, знаю? Может быть — и вероятно — она приняла мое известие спокойно и только позлилась). Я уж четвертый год все решаюсь, а сознание, что не должно нам вместе жить..., во мне постоянно говорило. Не желал бы, однако, да и не могу стать вовсе ей чуждым. Странное дело. Без сомненья, наиболее зла сделала мне эта женщина, а я только минутами на нее могу сердиться. Нет злости серьезной, нет даже спокойного презрения. Это что ли любовь? Чорт бы ее взял. Когда ж она умрет! Я начинаю злиться. Сколько у меня было души, страсти, характера и нравственной силы — все этой женщине я отдал, все она взяла не поняв (в ту пору, по крайней мере), что таких вещей даром не берут — вот теперь и чорт знает к чему все пришло. Ну да будет.<...>

¹ Как и Добролюбов, Панаева находилась летом 1860 г. за границей. Но, вопреки предположению Некрасова, они там не встретились.

² Некрасов вспоминает здесь о своих взаимоотношениях с Панаевой весной и летом 1855 г., когда он был тяжело болен. Друзьям поэта казалось тогда, что их связь уже оборвалась. Так, В. П. Боткин сообщал в неизданном письме к брату Д. П. Боткину от 27 апреля 1855 г.: «...Не помню писал ли я тебе, что Некрасов с Панаевой окончательно разошлись. Он так потрясен и сильнее прежнего привязан к ней, но в ней чувства кажутся решительно изменились. Здоровье его очень плохо: Пикулин слушал его грудь и нашел ее в самом дурном состоянии — он не дает ему жизни более двух лет...» (ЛБ, рукоп. отдел — М. 1614/1).